

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Российский государственный гуманитарный университет

IX КНОРОЗОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Древние цивилизации
Старого и Нового Света

Сборник трудов
международной научной конференции

Москва
2019

УДК 930.85(08)
ББК 63.5я43
Д 25

Ответственный редактор
Г.Г. Ершова

Составитель
Д.Д. Беляев

Рецензент
чл.-кор. РАН, д-р ист. наук
В.В. Напольских

ISBN 978-5-7281-2556-3

© Беляев Д.Д., составление, 2019
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей.....	8
<i>Г.Г. Ершова</i> Юрий Кнорозов: становление ученого.....	9
<i>Е.Г. Дэвлет</i> Оленные камни Монголии.....	28
<i>Н.В. Ракуц</i> «Прикладная этнография» миссионеров- иезуитов вице-королевства Перу.....	37
<i>А.М. Плузьян</i> Заметки к биографии Юрия Валентиновича Кнорозова.....	56
<i>Д.Д. Беляев</i> Начальные этапы политогенеза на Тихоокеанском побережье юго-восточной Мезоамерики.....	69
<i>Е.А. Долгова</i> Научный сотрудник Ю.В. Кнорозово в Государственном музее этнографии народов СССР.....	93
<i>Э.Г. Александренков</i> Педро Мартир о книгах аборигенов Нового Света.....	103
<i>М.Л. Дубоссарская</i> Политика по борьбе со злоупотреблением алкоголем и кокой среди коренных жителей Перу в ордонансах вице-короля Франсиско де Толедо.....	110
<i>А.А. Банищикова</i> Описание погребений древнеегипетских царей в средневековом арабском анониме «Ахбар аз-Заман».....	119
<i>D. Wojkowska, W. Koszkuł, Ja. Źralka</i> Recent Research of the North Group at Nacum, Guatemala.....	129
<i>А.В. Калюта</i> Единый в пяти лицах: верховный правитель мешика и его четверо сенаторов.....	140

И.Ю. Демичева

Жизнь в движении: динамические сюжеты в
терракоте майя I тыс. н. э.....148

К.Р. Ямашева

Идентификация образа богини луны
в мелкой пластике майя.....164

Н.М. Зинюкова

Антропологические подходы в изучении человеческих
жертвоприношений в культуре майя.....172

А.А. Радаев

К вопросу о междисциплинарном подходе к проблеме о
заселении Америки: применение данных палеопаразитологии....181

A. Sheseña

Ira, Enfermedades y Naguales entre los Mayas Clásicos.....186

Л.Л. Федорова, С.А. Яковлева

Представления современной мексиканской молодежи о
сущности семьи (по данным этно-лингвистического
исследования).....199

А.И. Нечвалода

Атауальпа? Тайна черепа № 34640 из
музея человека в Париже.....219

Н.В. Шалыгина

Репродуктивные традиции индейцев Южной Америки.....229

Н.М. Емельянова

Религиозные верования и обрядовая практика
индейцев Чако (о роли И.Т. Беляева в сохранении
традиционных культур коренных народов Парагвая).....237

А.А. Матусовский

Заметки по мифологии индейцев Матсес.....248

О.Е. Данчевская

Отражение представлений о конце света в мифах
индейцев Северной Америки.....259

<i>Т.А. Сюткина</i> Искусственная деформация черепа на Антильских островах до Колумба.....	268
<i>Г.А. Борисова</i> История мезоамериканской подводной археологии.....	278
<i>Е.В. Коровина</i> Графемы ли аллографы? К вопросу об истории терминологии.....	285
<i>Ю.Э. Бернауцкая, С.А. Хохрякова</i> Юго-восточный Петен и область Караколя в раннеклассический период.....	290
<i>С.В. Вепрецкий</i> «Алтарь из Пуэрто-Барриос» и монументальная традиция Ицимте (Департамент Петен, Гватемала).....	302
<i>Д.С. Секачева</i> Представители местной знати при царском дворе мая позднеклассического периода.....	315
<i>В.Н. Талах</i> К'инич Ханааб Пакаль был, есть и будет всегда: некоторые наблюдения над синтаксисом иероглифических надписей мая классического периода.....	327
<i>А.В. Пакин</i> «Майяпанская» и «немайяпанская» знать. Концепции легитимации постклассической элиты мая.....	335
<i>S. Sobrino Fernández</i> Perspectivas sobre la sistematización de la música entre los mayas prehispánicos.....	351
Сведения об авторах.....	361

НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ ПОЛИТОГЕНЕЗА НА ТИХООКЕАНСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ МЕЗОАМЕРИКИ

Беляев Дмитрий Дмитриевич
*Мезоамериканский центр имени Ю.В. Кнорозова,
Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва*

Аннотация: В статье рассматривается процесс формирования ранних сложных обществ на тихоокеанском побережье Чьяпаса (Соконуско) во II – первой половине I тыс. до н.э. Показано, что процесс политогенеза начинается в XVII в. до н.э. с формирования первых простых вожеств в культуре мокайя. Сложные вожества появляются к концу II тыс. до н. э. под влиянием контактов с ольмекскими вожествами побережья Мексиканского залива. Расцвет культуры мокайя в Масатане пришелся на XII–XI вв. до н. э., когда сложилось крупная региональная полития со столицей в Охо-де-Агуа. На рубеже II–I тыс. до н. э. этот центр приходит в упадок, а общество мокайя переживает демографический коллапс.

Ключевые слова: политогенез, седентаризация, вожества, Тихоокеанское побережье, раннеформативный период, культура мокайя, ольмекская культура

Тихоокеанское побережье Юго-Восточной Мезоамерики как особая историко-культурная область представляет собой полосу, которая ограничена на западе перешейком Теуантепек, а на востоке включает западные области Сальвадора, а от основной материковой Мезоамерики отделена вулканической горной цепью Сьерра-Мадре. Это – прибрежная часть мексиканского штата Чьяпас, гватемальские департаменты Сан-Маркос, Ретальулеу, Сучитепекес, Эскуинтла, Санта-Роса и Хутиапа, а также районы, прилегающие к гватемальско-сальвадорской границе. В пределах этой области выделяются четыре основных района: Соконуско (от перешейка до болота Гуамучаль, Центральное гватемальское побережье (от Гуамучаля до р. Койолате), Восточное гватемальское побережье (долины р. Мария-Линда и Эсклавос) и Сальвадорское побережье.

Побережье делится на две физико-географические зоны: прибрежная равнина (включая эстуарий) и предгорья. Климат более теплый и влажный на прибрежной равнине и более сухой в предгорьях. Среднегодовая температура составляет около 28 градусов. Уровень осадков различается довольно существенно: 1500 мм на береговой линии, до 3000 мм на прибрежной равнине и 3800–

5000 мм в предгорьях. В то же время осадки не распределены равномерно в течение года. Сухой сезон может достигать 5–6 месяцев, когда уровень осадков составляет не более 50 мм в месяц, в то время как в сезон дождей с мая по октябрь выпадает до 90% среднегодового количества осадков (около 30% может выпасть в течение 8 недель в конце августа – начале октября). Это часто сопровождается темпоралес – мощными двух-трехдневными бурями, в ходе которых может выпасть до 380 мм (на прибрежной равнине) или до 640 мм (в предгорьях) осадков. В связи с этим прибрежная зона переживает частые наводнения¹.

Сочетание обильных осадков и сильного перепада высот в 40-километровой зоне также приводит к тому, что в сезон дождей водоток рек, текущих с гор, резко увеличивается (рост может достигать сотен раз, в частности в 1970-е гг. водоток реки Гуакалате увеличился за 20 минут с 5,5 кубометров в секунду до 2200 кубометров в секунду [Bove, 1981, p. 26]. Эти процессы приводят к высокому уровню эрозии и переотложения почвы, а в долгосрочной перспективе – к изменению береговой линии. В районе устья реки Наранхо древняя береговая линия отстоит от нынешней по меньшей мере на 2 км [Сое, 1961, p. 4].

Побережье прорезано многочисленными реками, берущими свое начало в горах. Однако, в отличие от перуанского побережья, речные долины не отделены друг от друга пустынными зонами. Все это способствовало большей интеграции побережья.

Палеоландшафтные реконструкции свидетельствуют о том, что изначально на тихоокеанском побережье существовали три основных зоны: 1) эстуарий с мангровым лесом и субтропическим лесом; 2) тропическая саванна; 3) влажный тропический лес.

На тихоокеанском побережье сконцентрированы одни из самых плодородных почв в Мезоамерике (тип Асональ), образованные при вымывании и переотложении молодых аллювиумов и свежих вулканических выбросов. В ходе исследований Ф. Бове в департаменте Эскуинтла (Гватемала) было выделено 32 класса почв и показано, что крупнейшие поселения доиспанского времени располагались в зоне глубоких вулканических почв смешанного цвета или хорошо орошаемых песчаных почв [Bove, 1981, p. 28–31].

Сочетание богатых почв, низкой температуры и длительного дождевого сезона позволяет снимать на большей части побережья два, а иногда три урожая кукурузы в год. Урожайность кукурузы также существенно выше, чем на Гватемальском нагорье. По оценкам Ф. МакБрайда, средний урожай в горной зоне составлял

¹ Барбара Арройо, однако, отмечает, что сведений об уровне осадков в доиспанское время у нас нет, поэтому использовать современные данные следует с осторожностью [Arroyo, 1994, p. 66–67].

250–500 кг с акра. Исследования Р. Стадельмана (Институт Карнеги) в 1930-е гг. показали, что в тихоокеанских департаментах Гватемалы (Эскуинтла, Сучитепекес, Ретальбулеу и Эль-Прогресо) урожайность была в 1,8–2,2 раза выше, чем в горах. Помимо этого, богатые, часто обновляющиеся почвы не требовали нахождения под паром [Ibid., p. 33–35]. В настоящее время на тихоокеанском побережье размещены основные центры сельскохозяйственного производства Чьяпаса, Гватемалы и Сальвадора (кофе, какао, сахарный тростник, хлопок и др.).

Большой земледельческий потенциал дополнялся возможностью использования морских ресурсов (рыба, креветки, моллюски и др.). В то же время распространившаяся в 1970-е гг. после работ Б. Воорхиз гипотеза о сложении на тихоокеанском побережье модели приморской адаптации, сравнимой с хозяйственно-культурным типом, развивавшимся на побережье Перу не подтверждается новыми данными. Палеоэкологические исследования показали, что носители архаической культуры Чантуто, памятники которой распространены в Соконуско в зоне эстуария Акапетауа, на север-запад от обширного болота Кантиленья, представленной большими раковинными кучами, в VI–V тыс. до н.э. вели комплексное охотничье-собираческое хозяйство, которое позднее дополняется малоинтенсивным земледелием хортикультурного типа. Раскопками выявлено шесть раковинных куч (Чантуто, Кампон, Тлакуачеро, Эль-Чорро, Сапотильо, Серро-де-Лас-Кончас). Самый ранний памятник – Серро-де-Лас-Кончас – датируется серединой VI – серединой IV тыс. до н.э. Его обитатели преимущественно собирали моллюсков, живших в солоноватой воде (*Polymesoda radiata*). Пять остальных куч сосредоточены вокруг эстуария Акапетауа и относятся к середине IV – началу II тыс. до н. э. Структура раковинных куч, состоящих из прослоек целых раковин и их сожжённых фрагментов, что свидетельствует о сезонной эксплуатации приморских ресурсов [Voorhies, 2004].

Накануне испанского завоевания тихоокеанское побережье было одним из богатейших регионов мезоамериканской мир-системы, но при этом занимало в ней место скорее периферии, чем центра. Соконуско было разделено на несколько небольших политий, в начале XVI в. подчинённых Астекской империей [Voorhies, 1989], тихоокеанское побережье Гватемалы было объектом экспансии со стороны государства майя-киче [Carmack, 2001, p. 162], а сальвадорский отрезок был поделён княжествами пипилей [Пакин, 2012]. Однако на заре мезоамериканской цивилизации именно в этой зоне, прежде всего в Соконуско, разворачивались социальные и культурные процессы, ключевые для дальнейшей эволюции.

Первые свидетельства земледелия в Соконуско датируются по меньшей мере серединой V тыс. до н. э., когда фиксируется пыльца маиса, а палеоландшафтные данные свидетельствуют о сокращении лесного покрова вследствие выжигания лесов для подсеки. Эта деятельность особенно активна между 3800 и 3600 гг. до н. э., а потом около 3200 до н. э. [Kennett et al., 2010]. Далее по побережью Гватемалы земледелие распространяется к середине IV тыс. до н. э., а архаических памятников, связанных с традицией приморской адаптации не обнаружено [Neff et al., 2010]. В конце III тыс. до н. э. фитолиты маиса прослеживаются не только в донных отложениях, но и на раковинных кучах, а началом II тыс. до н. э. датируются следы пыльцы хлопчатника [Kennett et al., 2010, p. 3406].

На памятниках традиции Чантуто мы видим первые свидетельства складывания сетей обмена обсидиана – стратегического ресурса в Мезоамерике. Основные месторождения, использовавшиеся в Юго-Восточной Мезоамерике, были расположены в горной Гватемале. Это Тахумулько неподалеку от современной границы Мексики и Гватемалы, Сан-Мартин-Хилотепек и Эль-Чайяль на гватемальском нагорье, Иштепек у границы Гватемалы и Сальвадора. Месторождение Тахумулько расположено ближе всех к Масатану (75 км), однако добываемый там обсидиан не очень высокого качества и при обработке может непредсказуемо расколоться. Обсидиан с месторождений Сан-Мартин-Хилотепек и Эль-Чайяль гораздо более высокого качества, из него можно изготавливать орудия различной формы. В то же время эти месторождения расположены существенно дальше от Масатана (в 175 и 235 км соответственно). Анализ происхождения обсидиана с раковинных куч культуры Чантуто (Тахумулько 72,8%, Эль-Чайяль 27,8%) свидетельствует, что обсидиан доставлялся с ближайших месторождений.

Этот регион был, по-видимому, населён носителями языков михе-соке [Давлетшин, 2007; Беляев, Давлетшин, 2012]. Он был объединен единой культурной традицией. Это единство, вероятно, отражает общие корни местной культуры ранних земледельцев и рыболовов и собирателей.

Начало II тыс. до н. э. совпадает с началом ранней фазы формативного периода (1900–1000 до н. э.). Наиболее детальные данные об истории этой эпохи происходят из Масатана (долины рек Коатан и Уэуэтан). Археологические работы в этом регионе начались в 1950–1960-е гг. и особенно активизировались с началом «Раннеформативного проекта Масатан» под руководством Дж. Кларка и М. Блэйка в 1985 г. Археологи обозначили местную археологическую культуру как культура мокайя («люди маиса» на соке) [Seja, 1985; Clark, 1994a]. Прилегающие к Масатану территории Гватемалы были исследованы в начале 1960-х гг. К. Флэннери и М. Ко

[Сое, 1961; Сое, Flannery, 1967]. В 1980-е и 2000-е гг. активные раскопки в долине р. Наранхо (Ла-Бланка) вёл М. Лав [Love, 1990; 2002].

Культура мокаяй маркируется распространением в регионе керамической традиции. Керамика фазы Барра (1900–1700 до н. э.) появляется уже в развитой форме, с богатой орнаментацией, что дало основания для предположений о том, что технология ее изготовления была принесена извне, из Центральной или Южной Америки. Формы сосудов имитируют посуду из тыкв. Полностью отсутствует простая неорнаментированная керамика, техника орнаментации (желобчатый, сетчатый, процарапанный или резной рисунок) копирует технику украшения сосудов из тыквы. Только в следующую фазу Локона (1700–1500 до н. э.) появляются неорнаментированные сосуды и сам комплекс становится более разнообразным: горшки-текоматес, чаши, миски и блюда. Полноценный же керамический комплекс формируется только в фазу Окос (1500–1400 до н. э.).

В фазу Барра поселения в зоне эстуария приходят в упадок. Основное население было сосредоточено в деревнях различного размера (от 50 до 400 человек) с одинаковыми постройками, не оформленных в какие-либо иерархические структуры. Они располагались вдали от моря на высоте 5-10 м над уровнем моря и в отдалении от речных русел. Крупнейшей из этих деревень была Пасо-де-Ла-Амада, основанная около 1900 г. до н.э. Ее площадь составляла около 10 га, а население – 250–400 человек [Clark, Gibson, Zedler, 2010, p. 220–221]. Другие памятники (Сан-Карлос, Калентура) достигали по площади нескольких гектар. Имеются свидетельства активного обмена с горными районами Гватемалы, откуда поставлялся обсидиан для изготовления инструментов. Основным источником обсидиана продолжало оставаться месторождение Тахумулько, в меньшей степени были представлены месторождения Сан-Мартин-Хилотепек и Эль-Чайяль [Nelson, Clark, 1998].

В фазу Локона население Масатана испытывает резкий рост. В рамках обследованных масатанским проектом 51 кв. км общая площадь всех поселений выросла с 41 га до 605 га [Pye, Hodgson, Clark, 2011, p. 221, table 10.1]. Схожий (хотя и не такой масштабный) процесс роста населения наблюдается и к востоку от Масатана, в нижней части долины рек Косалапа и Сучиате, где в пределах исследованных Р. Розенсвигом 28 кв. км площадь поселений выросла с 3,9 до 7,1 га [Rosenswig, 2008, p. 400–401].

Важные изменения происходят не только на региональном, но и на микроуровне поселений. Впервые наблюдается дифференциация жилищ внутри деревень. В Пасо-де-Ла-Амада первоначально

выделяются несколько секторов, сгруппированных вокруг крупных земляных платформ овальной формы со следами сооружений наверху. По мнению археологов, они являлись резиденциями глав родов или линиджей, а сами сектора, вмещавшие около 100 человек каждый, возможно, соответствовали родовым подразделениям. К 1650 г. до н. э. шесть монументальных построек теряют свою значимость, а седьмая (Маунд 6) перестраивается и превращается в масштабное здание на платформе размерами 22 на 12 м. На платформу с двух сторон вели лестницы, укрепленные глиной. Сооружение претерпело еще несколько позднейших перестроек и к 1500 г. до н. э. возвышалось над землей на 4 м. Обследование методом проб показало, что это было жилое помещение. Другие жилища поселения представляли собой скромные недолговечные дома из дерева с тростниковыми крышами [Lesure, 1997; 2011].

Деревня Пасо-де-Ла-Амада превратилась в крупное поселение, занимавшее минимум 53 и максимум 140 га² [Clark, Gibson, Zedler, 2010, p. 221]. Его ритуальным центром стала площадь (около 3 га), располагавшаяся в южной части памятника. На западе площади была воздвигнута самая ранняя в Мезоамерике площадка для игры в мяч, возведенная из глины (Маунд 7) [Hill, Blake, Clark, 1998]. Общий объем строительных работ при создании ядра поселения оценивается Дж. Кларком минимум в 120 000 м³ земли [Clark, Gibson, Zedler, 2010, p. 220].

Вокруг Пасо-де-Ла-Амада в пределах радиуса в 2 км, концентрируется по меньшей мере шесть малых деревень (площадью 1–10 га) и посёлков (2–3 домохозяйства), в которых масштабные изменения не отмечены, хотя рост населения в целом отмечается. Согласно приблизительным подсчетам, это двухуровневое скопление поселений с центром в Пасо-де-Ла-Амада имело население до 4000 человек, из которых 1000–2000 жили в главной деревне.

Всего в зоне, исследованной Масатанским проектом зафиксировано несколько схожих поселенческих кластеров, из которых Пасо-де-Ла-Амада была крупнее всех. Еще два скопления отмечены вокруг крупных деревень Чило (на север от Пасо-де-Ла-Амада) и Ла-Калентура (на юг), которые занимали несколько десятков гектар с населением в 500–1000 человек. Раскопки Чило продемонстрировали значительный культурный слой, включающий большое количество керамики и погребения, однако никаких остатков земляных насыпей на памятнике не сохранилось из-за интенсивной сельскохозяйственной деятельности начиная с середины XX в. [Clark, 1994c, p. 113–119]. Хуже исследованы скопления вокруг

² Данная оценка Дж. Кларка предполагает, что серия местонахождений к северо-востоку от ядра Пасо-де-Ла-Амады была частью единого большого поселения.

Акилес-Сердан, в северо-западной части Масатана, и в среднем течении р. Коатан с центрами в Сан-Карлосе / Кантон-Корралито и Масатан (на окраине современного города) [Clark, 1991]. Во всех этих кластерах керамика и престижные материалы концентрируются преимущественно в центральных деревнях.

Деревни первого уровня располагаются в среднем на дистанции 5 км друг от друга. Анализ пространственного распределения поселений показывает, что между кластерами существовали буферные зоны, свободные от населения. Такого рода зоны характерны для объединений, ведущих между собой постоянные войны (см. анализ сапотекских вождеств у Дж. Маркус и К. Флэннери [Marcus, Flannery, 1996]. Судя по всему, в XVII вв. до н. э. в Масатане сформировались первые в Мезоамерике сложные политии, которые характеризуются двухуровневой иерархией поселений, которые можно интерпретировать как простые вождества.

Схожую картину, хотя и в ограниченном масштабе, демонстрируют материалы района Куаутемока, собранные Р. Розенсвигом. В фазу Локона здесь также прослеживается двухуровневая иерархия поселений: Куаутемок площадью 5,12 га и прочие поселения, состоящие из обычных домохозяйств, общей площадью 2 га [Rosenzweig, 2008, p. 400–401]. Р. Розенсвиог полагает, что в Куаутемоке тоже формируется вождество, правда довольно скромных размеров и не контролирующее большое количество населения. Однако прямых свидетельств, подтверждающих эту гипотезу нет.

О формировании иерархически организованной экономики говорят данные анализа распределения обсидиана. Во второй половине раннеформативного периода (около 1650–1000 до н.э.) схема распространения обсидиана в Юго-Восточной Мезоамерике изменяется по сравнению с предыдущим временем. В культуре мокайя постепенно падает процент обсидиана из Тахумулько по причине его низкого качества (фаза Барра – 74,9%, Локона – 60,6%, Окос – 46,2%, Окос / Черла – 27,2%, Черла – 20%). Параллельно быстро росла доля материала из Эль-Чайяля (Барра – 5%, Окос / Черла – 66,4%, Черла – 74,3%), а доля камня из Сан-Мартин-Хилотепека варьировалась от 20,1% до 5,7% [Nelson, Clark, 1998].

В Масатане центральные поселения обнаруживают разные пропорции камня из разных месторождений в горной Гватемале в зависимости от близости к ним. Так, вождества Пасо-де-Ла-Амада и Сан-Карлос получали обсидиан преимущественно с месторождения Тахумулько, в вождестве Чило доля обсидиана из Тахумулько, Сан-Мартин-Хилотепека и Эль-Чайяля примерно одинаковы, а в Акилес-Сердан преобладает обсидиан из Эль-Чайяля [Clark, 1991, p. 19, fig. 4]. Таким образом, каждое вождество было включено в отдельную сеть обмена. Внутри поселенческих систем эти про-

порции приблизительно одинаковы в отдельных домовладениях. Это свидетельствует о том, что формирующаяся элита монополизировала внешний обмен и существовала система централизованной редистрибуции материалов. Obsidian поставлялся в виде больших глыб (ядер), а анализ каменной индустрии показал, что орудия изготовлялись отдельно внутри каждого домохозяйства [Clark, Blake, 1989].

В Куаутемоке развитие обмена демонстрирует те же тенденции, что в Масатане: если в фазу Барра и начале фазы Локона обитатели Куаутемока использовали в основном obsidian из ближайшего месторождения Тахумулько (90%), obsidian из Эль-Чайяля составлял 10%. В фазу Локона наблюдается диверсификация источников obsidiana: доля obsidiana из Тахумулько сокращается до 64,5%, доля obsidiana из Эль-Чайяля растет до 30,5%, а также появляется определенное количество obsidiana из Сан-Мартин-Хилотепека (5%) [Rosenswig, 2009, p. 237].

Погребальные материалы захоронений свидетельствуют о сложении в обществе мокайя наследственных рангов. Одно из вскрытых захоронений принадлежало подростку 11 лет (пол неясен) и сопровождалось зеркалом из слюды. Судя по терракотовым статуэткам, такие зеркала крепились на головных уборах и располагались на лбу. По мнению Дж. Кларка, они были символом статуса. Сами статуэтки также могут использоваться как свидетельство социальной дифференциации. В отличие от женских, мужские статуэтки изображают сидящих взрослых мужчин. Некоторые из них носят маски, сложные головные уборы и ожерелья [Clark, 1994a, p. 36–37].

Таким образом, формирование первых вождеств на тихоокеанском побережье произошло на несколько столетий раньше, чем на побережье Мексиканского залива – зоне ольмекской культуры, где первые свидетельства существования вождеств датируются XV в. до н. э. (фазы Бахио, 1550–1450/1400 до н. э., и Чичаррас, 1450/1400–1400/1300 до н. э.) [Беляев, 2012]. В то же время очевидно, что этот процесс не был единообразным на всём побережье. В расположенной на восток от Масатана долине р. Наранхо в первой половине раннеформативного периода (Локона / Окос 1600–1400 гг. до н. э.) в нижнем течении Наранхо существовало всего 21 поселение, насчитывавшее 30 жилищ, а население всего этого района (около 200 кв. км) составляло около 200 человек [Love, 1990, p. 69]. Большая их часть была сосредоточена в низовьях реки, близ эстуария, где крупнейшая деревня Ла-Виктория насчитывала всего 7–10 жилищ. Вокруг нее были разбросаны около десятка изолированных домохозяйств, так что в целом эта крупнейшая в районе община насчитывала около 120 человек. Две деревни, расположенные выше по течению реки (Ла-Бланка и Сэйдж) были

еще меньше. Остальные же местонахождения представляли собой изолированные домохозяйства. М. Лав, однако, считает, что имеющиеся данные свидетельствуют о формировании в долине Наранхо простого вожества [Love, 2002, p. 193], что очевидно противоречит всем приведенным выше данным. С нашей точки зрения, в долине Наранхо вожества не сложились, а существовали 3 независимые раннеземледельческие общины. На Центральном гватемальском побережье в районе Текохате (департамент Эскуинтла) раннеформативные поселения сконцентрированы вдоль мангровой полосы, и между ними нет практически никаких различий [Arroyo, 1994, p. 99–100].

В фазу Окос (1500–1400 гг. до н. э.) культура мокайя переживает очевидную стагнацию. Общая площадь поселений сокращается с 602 до 350 га [Pye, Hodgson, Clark, 2011, p. 221, table 10.1], однако причины такого сокращения неизвестны. В Масатане по-прежнему существовало несколько политий, занимавших прибрежную полосу и долины рек, однако их конфигурация меняется.

Во-первых, прежний вождеский центр Mz-255, находящийся за пределами обследованной территории, также теряет своё значение, а ему на смену приходит центр в Вильо (Mz-20). Судя по раскопкам на этом памятнике [Clark, 1994c, p. 121–123], это произошло во второй половине фазы Окос, ближе к фазе Черла (1400–1300 до н. э.). Во-вторых, вожество с центром в Чило исчезло. Ричард Лейжер в своей реконструкции делит его территорию между вожеством Вильо и новой политией с центром в Лас-Каролинас I (Mz-15 / Mz-117), расположенной на восток от Чило [Lesure, 1995, p. 41, fig. 2.5], большая часть поселений которой находится за пределами зоны, обследованной Масатанским проектом. Однако представляется более вероятным, что вожество Чило было по большей части абсорбировано своим северным соседом Акилес-Сердан. Данные изменения отражают политическое и военное соперничество между вождями мокайя, в результате которого вожество Чило было разгромлено, а его земли поделены между соседями. Поскольку новый центр в Лас-Каролинас I возник на бывшей территории Чило, велика вероятность, что он был основан либо бежавшими вождями, либо одной из фракций, которая смогла повысить свой статус.

Полития в Пасо-де-Ла-Амада, которая ранее была самой крупной, переживает сокращение населения, хотя размеры столицы сохраняются. Исследования в Пасо-де-Ла-Амада показывают, что церемониальное ядро поселения дополнительно выросло за счет расширения монументальных построек. Маунды 6, 7 и 14 были объединены в единый архитектурный комплекс, сконцентрированный вокруг площади стороной 200 м. Её северо-западная сторона была

ограничена площадкой для игры в мяч. Земляная насыпь объединила две ранее самостоятельные платформы на месте Маунда 14 и тем самым замкнула площадь с северо-востока. Доминировал над площадью стоящий на её юго-западной стороне массивный Маунд 6, на вершине которого располагалась резиденция вождя [Lesure, 2011, p. 139–140]. Такая обширная площадь предполагает, что количество людей, вовлечённых в проводившейся на ней церемонии, было достаточно велико. Площадка для игры в мяч, хотя и продолжает использоваться, не претерпевает масштабной перестройки. В то же время строительство в других секторах поселения (например, расширение площадок Маундов 13 и 21) не идёт ни в какое сравнение с проектами в эпицентре. Именно в XV в. до н. э. происходит окончательное оформление дифференциации в архитектуре как отражения резкого различия в социальных рангах между кланом вождя и прочими обитателями Пасо-де-Ла-Амада.

Схожая картина сокращения площади обитаемых поселений (с 7,1 до 4,3 га) наблюдается и в районе Куаутемока. Сокращается и количество поселений с 10 до 3, площадь центральной деревни Куаутеок также сокращается с 5,12 до 3,8 га [Rosenswig, 2008, p. 396, table 1; p. 401, fig. 7]. По-видимому, с этими процессами связано и практическое исчезновение обсидиана из Сан-Мартин-Хилотепек, доля которого составляет сотые доли процента [Rosenswig, 2009, p. 237].

В фазу Черла (1400–1300 гг. до н. э.) сокращение населения продолжается (общая площадь поселений падает с 350 до 255 га). Также вновь меняется поселенческая конфигурация. Территория вождества Пасо-де-Ла-Амада существенно сокращается, и этот центр окончательно теряет доминирование. Уменьшается и сама деревня (до 41 га), и крупнейшим поселением в Масатане становится большая деревня в районе Акилес-Сердан / Маркос-Лопес, состоящая из четырёх памятников (Mz-6 / 152 / 150 / 50) [Cheetham, 2010a, p. 106, table 3.2]. Центр вождества в Вильо (Mz-20 / 126), вырастает до 19 га, а на смену центру в Лас-Каролинас I приходит центр в Роберто-Васкес (Mz-187), занимающий 15 га. Самые маленькие вождеские центры площадью около 10 га были расположены на периферии (Ла-Калентура ближе к побережью, Сан-Карлос / Кантон-Корралито и Масатан на р. Коатан).

Изменения на уровне отдельных поселений хорошо видны в Пасо-де-Ла-Амада. Бывшее церемониальное и политическое ядро деревни теряет своё значение, и площадка для игры в мяч и Маунд 6 забрасываются. Оставление Маунда 6, который на протяжении многих поколений служил резиденцией вождя, очевидно, свидетельствует о смене правящего клана. Строительство ведётся на Маундах 1 и 12, но новые сооружения отличаются от прежней

архитектурной модели. В то же время продолжается усиление ранжирования в обществе: так, XIV в. до н. э. датируются первые свидетельства ограничения доступа простых домохозяйств к жаду, пиритовым зеркалам и обсидиану [Lesure, 2011, p. 140]. Вероятно, это было свидетельством общего упадка вожества и сокращения его ресурсной базы.

В районе Куаутемока население сократилось незначительно (площадь поселений упала с 4,3 до 3,8 га) [Rosenswig, 2008, p. 396, table 1; 402, fig. 8]. В долине р. Наранхо в начале фазы Куадрос (ок. 1400 до н. э.) плотность населения снизилась еще больше по сравнению с предыдущей фазой; было обнаружено лишь 17 поселений с 21 жилищем [Love, 1990, p. 69].

Одновременно в Масатане происходят важные изменения в культуре. Так, трансформируется керамический комплекс, в котором, наряду с традиционной красно-оранжевой керамикой, появляется черно-белая керамика, напоминающая ольмекскую, распространяется характерная керамика с резным орнаментом, в котором видны ольмекоидные черты, а также ольмекские импорты [Cheetham, 2010b; Cheetham, Coe, 2017]. Однако эти новые черты распространяются не равномерно во всей зоне. Пунктом концентрации является Кантон-Корралито, где обнаружено по меньшей мере семь типов привозной керамики, а в Акилес-Сердан и Пасоде-Ла-Амада продолжают доминировать местные традиции. Д. Читхэм предполагает, что в Кантон-Корралито уже в фазу Черла жило значительное количество ольмеков из Сан-Лоренсо, и мы имеем дело с первой в мезоамериканской истории колонией [Cheetham, 2006; 2010b].

Параллельно мы видим важные изменения в экономической организации. В различных зонах внутри Соконуско быстро растёт количество обсидиана, доставляемого из Эль-Чайяля. В Масатане он быстро вырастает в конце фазы Окос (до 66,4%), а в фазу Черла составляет 74,3% [Nelson, Clark, 1998, p. 285]; в районе Куаутемока – около 60% [Rosenswig, 2009, p. 237–238]. Эти изменения отражают трансформацию политических связей, которая происходила не только в Масатане, но и в соседних долинах.

В целом, несмотря на важные изменения в культуре и экономике, в ареале культуры мокаяя в XIV в. до н. э. продолжается цикл развития простых вожеств и не происходит усложнения социально-политической организации до сложных вожеств, подобной той, которая имела место на побережье Мексиканского залива с началом фазы Сан-Лоренсо [Беляев, 2012, с. 10–12]. Такого рода изменения случаются уже в следующую фазу Куадрос (1300–1200 до н. э.) и были связаны с интенсификацией межрегиональных контактов.

В начале XIII в. до н. э. происходит радикальное изменение политической карты Сокопуско [Clark, 2007, p. 22, fig. 2.9; Cheetham, 2010a, p. 109, fig. 3.5]. На р. Коатан вырастает новый крупный центр Кантон-Корралито. Эта ранее средних размеров (около 10 га) деревня увеличивается в несколько раз (до 25 га по оценкам Д. Читхэма [Cheetham, 2010b, p. 167] и до 31 га по оценкам Х. Гутьерреса [Gutierrez, 2011, p. 160]) и становится крупнейшим поселением на всем тихоокеанском побережье. Иная ситуация наблюдается с другими крупными деревнями. Два важнейших – Пасо-де-Ла-Амада и Ла-Калентура – оставляются населением. Другие уменьшаются в размерах (Акилес-Сердан с 41 до 17 га, Вильо с 19 до 14 га), в то время как третьи, напротив, растут (Роберто-Васкес с 15 до 21 га) [Cheetham, 2010a, p. 106, table 3.2]. При этом общее количество населения остаётся на прежнем уровне (площадь поселений составляет 254 га) [Pye, Hodgson, Clark, 2011, p. 221, table 10.1]. Все это свидетельствует о коренной ломке прежней поселенческой системы, на месте которой формируется новая. Происходит структурная трансформация общества мокайя, в ходе которой простые вождества исчезают, будучи инкорпорированными в новое сложное вождество во главе с Кантон-Корралито.

Особо следует отметить, что новые крупные поселения площадью более 10 га вырастают в тех зонах, где ранее располагались оставленные центры, хотя и на новых местах. Так, Альтамира II (21 га) и Мануэль-Эскивалет (20 га) явно контролировали прибрежную территорию (ранее вождество Ла-Калентура), а Бруно-Арройо (14 га) – центральную часть Масатана (ранее вождество Пасо-де-Ла-Амада). Очевидно, что на месте исчезнувших автономных политий возникли новые общности, контролировавшиеся верховными вождями.

Примерно такая же картина наблюдается и в районе Куаутемока. Общая площадь поселений вырастает с 3,8 до 4 га, всё население сосредоточено в Куаутемоке [Rosenswig, 2008, p. 396, table 1; p. 402, fig. 8]

Для объяснения этих событий Дж. Кларк и Г. Лоу еще в конце 1980-х гг. предложили модель «ольмекизации» [Clark, Blake, 1989; Clark, 1990]. На первом этапе вождества мокайя установили торговые связи с Ольманом (прежде всего, с Сан-Лоренсо). На втором этапе мокайя начали имитировать ольмекскую керамику и статуэтки как символы высокого статуса. На третьем этапе керамический комплекс мокайя был полностью заменен ольмекским, а местная политика и экономика были поставлены под контроль Сан-Лоренсо. Позднее Дж. Кларк выдвинул гипотезу о том, что ольмекское присутствие в Масатане означало не просто наличие тесных торговых и дипломатических контактов, а предполагает «некий тип насилия

или даже “завоевания” и колонизации с целью обезопасить торговые пути в Гватемальское нагорье и Сальвадор, а также контролировать богатые ресурсы Соконуско» [Clark, 1994b, p. 198]. Позднее он отошел от столь однозначной интерпретации и теперь предпочитает более нейтрально говорить об «ольмекской гегемонии», механизмом установления которой могли быть как завоевание, так и «угроза завоевания или другие способы или комбинация способов» [Clark, 2007, p. 30].

Гораздо более радикальную точку зрения представляет Д. Читхэм. Как уже говорилось выше, на основании материалов своих раскопок 2004 г., он считает, что уже в XIV в. до н. э. в Масатане была основана ольмекская колония в Кантон-Корралито, а в фазу Куадрос значительное количество населения этого центра составляли выходцы из Сан-Лоренсо и их потомки. Керамический комплекс XIII в. до н. э. в целом практически неотличим от ольмекского, хотя данные нейтронно-активационного анализа показывают, что только около 13% резной керамики с ольмекоидными мотивами в Кантон-Корралито было изготовлено в регионе Сан-Лоренсо [Cheetham, 2010b, p. 168]. Читхэм полагает, что и местные имитации ольмекской посуды изготавливались ольмекскими мастерами, переселившимися из Сан-Лоренсо, а не местными гончарами по привозным образцам. В частности, он отмечает, что несмотря на крайне высокий уровень сходства формы и орнаментации, диаметр венчика сосудов, изготавливавшиеся на месте, в среднем на 5–7 см больше, чем у импортных. Соответственно, как указывает автор, «импортные резные сосуды не копировались местными гончарами; они не являлись образцами в прямом смысле этого слова» [Ibid., p. 181]. Представляется, что эти аргументы говорят скорее об обратном: ремесленники, изготавливавшие керамику в Кантон-Корралито, не были знакомы с ольмекскими мерами, а копировали импортные сосуды на глазок. При этом керамика, обнаруженная в Сан-Лоренсо, по данным параметрам также отличается (диаметр венчиков в среднем на 4–5 см больше, чем у импортов в Кантон-Корралито [Ibid., p. 182]), что может свидетельствовать о том, что источником импортов был не сам Сан-Лоренсо, а какие-то поселения в его округе.

Другим аргументом в пользу колонизации или завоевания ареала культуры мокайя ольмеками из Сан-Лоренсо является сокращение количества обсидиана, поступающего в Масатан. По мнению Дж. Кларка, это было вызвано ростом потребления в Ольмане. Однако материалы раскопок в Сан-Лоренсо свидетельствуют, что, несмотря на общий рост количества обсидиана из Эль-Чайяля, его доля в общем объеме радикально не увеличилась [Hirth et al., 2013]. Кроме того, следует принимать во внимание, что

большая часть обсидиана, обнаруженного в Масатане, происходила из ранних поселений, которые в фазы Черла и Куадрос приходят в упадок, а новый эпицентр вокруг Кантон-Корралито исследован явно недостаточно, и опубликованных данных об источниках обсидиана в нашем распоряжении не имеется.

Еще одна проблемная сторона версии ольмекского завоевания / колонизации состоит в том, что она базируется на модели Сан-Лоренсо как первого государства в истории Мезоамерики, восходящей теории к ольмекской «материнской культуре». Слабые места этой модели уже подробно разбирались ранее [Беляев, 2012, с. 11–17], поэтому нет нужды останавливаться на них еще раз. Достаточно отметить, что Сан-Лоренсо не контролировал даже весь Ольман, так что представить масштабную колонизацию региона, отстоящего на 450 км, крайне сложно.

Тем не менее, нет сомнений, что фазы Черла и Куадрос знаменовали существенные изменения в месте культуры мокайя в системе экономических, политических и культурных связей в Юго-Восточной Мезоамерике. Она становится важным партнером ольмекских вожеств на побережье Мексиканского залива. Об этом свидетельствует быстрый рост в Сан-Лоренсо доли обсидиана из гватемальского месторождения Эль-Чайяль, который, начиная с фазы Чичаррас (1500–1500 до н. э.), составляет 19–20% [Hirth et al., 2013]. Этот обсидиан мог попадать в Ольман только через посредничество Соконуско, поскольку в Центральночья-пасской котловине существовала собственная система обмена, в которой преобладал обсидиан из Сан-Мартин-Хилотепека, полностью отсутствовавший в Сан-Лоренсо [Nelson, Clark, 1998, p. 286].

Торговые контакты, по-видимому, сопровождались дипломатическими и династическими, в результате чего вожди Кантон-Корралито установила тесные связи с Сан-Лоренсо, а в начале XIII в. до н. э., используя эти связи, подчинили себе весь Масатан. Объединение это прошло где-то насильственным способом (об этом, очевидно, говорит исчезновение Пасо-де-Ла-Амады и Ла-Калентуры и их замена новыми центрами), а где-то относительно мирно. Доминирующее положение нового политического регионального центра в археологических материалах отражается в доступе к престижной импортной керамике. Если в Кантон-Корралито присутствует 7 типов ольмекской резной керамики, то в центре второго уровня Акилес-Сердан отмечен всего 1 тип [Cheetham, 2010b, p. 179–180]. В то же время следует отметить, что других проявлений элитарной культуры, восходящей к ольмекскому комплексу, таких как каменная скульптура или высоко-статусные изделия из жада, в Кантон-Корралито не обнаружено.

Однако гегемония Кантон-Корралито продолжалась недолго, не более трех поколений. В конце XIII в. до н. э. этот центр пережил мощное наводнение, связанное либо с масштабным ураганом, либо с изменением русла реки после извержения вулкана [Gutierrez, 2011]. Свидетельством этого являются мощные отложения красного песка, которые перекрывают почти половину памятника [Ibid., p. 161]. Это катастрофическое событие привело к перемещению регионального центра на новое место, на памятник Охо-де-Агуа.

Начало фазы Хокоталь (1200–1000 до н.э.) в Соконуско знаменуется очень значимыми изменениями. Хотя Кларк и Читхэм считают самой важной вехой описанную выше структурную реорганизацию и появление первого сложного вожества с центром в Кантон-Корралито, трансформации на рубеже XIII–XII вв. до н. э. представляются гораздо более глобальными. Во-первых, существенно вырастает население. Согласно данным масатанского проекта, общая площадь поселений этой эпохи составляет 671,5 га (не включая Охо-де-Агуа) [Pye, Hodgson, Clark, 2011, p. 221, table 10.1]. Если суммировать эти цифры с Охо-де-Агуа, эта цифра увеличится до 750–850 га. Даже учитывая, что фаза Хокоталь длилась вдвое дольше, чем предшествующие ей Черла и Куадрокс, этот рост все равно является очень значительным.

Новый региональный центр Охо-де-Агуа располагался на левом берегу р. Коатан, в 150 м от реки, на возвышенности. Его площадь оценивают минимум в 80 га [Ibid., p. 222] и до 200 га [Hodgson, Pye, Gallaga, 2010, p. 142]. Все основные постройки приобрели четкую ориентацию 20 градусов на северо-восток. Архитектура продолжает прежние традиции: насыпи выстроены из земли, смешанной с глиной, и покрыты дополнительным слоем глины. Мону-ментальный сектор состоял из двух основных групп – северной и южной. Северная группа была образована массивной платформой 100-метровой длины и высотой 4 м, возвышающейся над речной террасой. Южная группа представляла собой сложный ансамбль из платформ и земляных насыпей. Ее ядром являлась выложенная камнями платформа размерами около 30 на 75 м, вероятно, представлявшая собой остатки главной площади. Ее сооружение датируется XI в. до н. э. (калиброванная дата 1130–920 до н. э. [Hodgson, Pye, Gallaga, 2010, p. 143, table 1]). На северо-восток от нее, на главной оси, были выстроены две пирамидальных 6-метровых земляных насыпи (Маунд 5 и 7) с плоскими вершинами. Помимо этого, в группе было еще несколько построек (Маунд 2, 3, 4, 10 и др.) [Pinkowski, 2006; Hodgson, Pye, Gallaga, 2010, p. 141–142].

Картографирование, предпринятое Дж. Ходжсоном, выявило на памятнике по меньшей мере 430 маундов; по мнению Дж. Кларка, население Охо-де-Агуа составляло 3000–6000 человек [Pinkowski,

2006, р. 49]. Если эта цифра верна, то это был крупнейший центр не только в Соконуско, но и на всём тихоокеанском побережье, уступавший размерами только Сан-Лоренсо.

Впечатляющий объем строительства в Охо-де-Агуа еще более примечателен, если учитывать, что эти сооружения были созданы за довольно короткое время (150–200 лет). В большинстве построек выделяется один или максимум два строительных этапа. Радиоуглеродные определения пересекаются на отрезке 1210–1000 до н. э., а верхняя граница ни одной из дат не уходит за пределы 930–920 до н. э. [Hodgson, Pye, Gallaga, 2010, р. 143, table 1].

Наличие особого архитектурного ансамбля с земляными насыпями пирамидальной формы резко отличает Охо-де-Агуа от Сан-Лоренсо, где не было обнаружено примеров монументальной архитектуры раннеформативного времени [Беляев, 2012, с. 12–13]. И хотя маунды Охо-де-Агуа несравнимы с пирамидой Ла-Бланки, достигавшей в высоту 20 м, они явно демонстрируют тенденцию к складыванию новых форм материализации власти, включающих массивные земляные сооружения.

Одновременно в Охо-де-Агуа мы видим первые примеры монументальной скульптуры, связанной с официальной идеологией и культом правителя. К сожалению, все они обнаружены вне археологического контекста, однако общая хронология памятника и стиль позволяют отнести эти изваяния к концу II тыс. до н. э.

Монумент 1 был обнаружен местными крестьянами в 1960-е гг. на ранчо, давшем название памятнику, и был опубликован К. Наваррете [Navarrete, 1971; 1974]. Это довольно необычная небольшая (66 см в высоту, 28 см в ширину и 24 см в толщину) статуя в виде стоящего сверхъестественного персонажа в сложном головном уборе. Фронтальная часть представляет собой прямоугольную панель, в верхней части которой высечена личина с V-образным элементом на лбу, «огненными» бровями и приплюснутым носом. К. Наваррете полагает, что это стилизованные черты ягуара или другого кошачьего хищника [Navarrete, 1971, р. 77], но с этим трудно согласиться. Описанные иконографические элементы свойственны изображению в ранне- и среднеформативный периоды так называемого «Земляного чудовища» – мифического олицетворения пещеры, из которой появляются прапредки [Кнорозов, 1979; Ершова, 2000, с. 248–252; Taube, 2004, р. 39–41 и др.].

Основная часть панели передает открытую часть «Земляного чудовища», в которой изображена сидящая по-турецки фигура с руками, прижатыми к торсу. Его голова расколота, а лицо отличаются раскосые глаза и оскаленный рот с приплюснутыми губами. Эти черты свойственны ольмекскому богу кукурузы и плодородия [Taube, 2004, р. 25–29]. В то же время позиция с руками у груди,

в которых могли располагаться так называемые «маноплы» (раковинные кастеты), напоминает ольмекского бога дождя [Ibid., p. 32]. Он носит пектораль с X-образным символом и пояс. По бокам от этой фигуры вырезаны два элемента в виде звериных лап, также являющихся частью иконографии «Земляного чудовища».

Монумент 3 был обнаружен рабочими плантации в 2009 г. Это каменная плита из вулканического туфа высотой 85 см и шириной 35 см [Hodgson, Pye, Gallaga, 2010, p. 139–140]. Она изображает стоящего антропоморфного персонажа в богатом убранстве (пектораль на груди, пояс, браслеты на руках). На голове у него шляпа, изображающая бога плодородия. За его спиной по левому краю монумента высечена дополнительная панель, где представлена фигура бога кукурузы, над и под которой расположены зигзагообразные иконографические элементы (возможно, символизирующие молнии). По сути дела Монумент 3 представляет собой прообраз будущих средне- и позднеформативных стел, а изображенная на нем фигура – верховный вождь мокайя, имперсонирующий бога плодородия.

Еще одна антропоморфная скульптура, обнаруженная на ранчо Буэнависта неподалеку от Охо-де-Агуа, не имеет точной датировки, хотя Ходжсон, Кларк и Гальяга, считают, что она может относиться к началу XIII в. до н. э., то есть к фазе Куадрос [Ibid., p. 142, fig. 6].

Изложенные выше данные свидетельствуют, что Охо-де-Агуа был первым по-настоящему могущественным региональным центром в Соконуско. Судя по всему, он контролировал и район Куаутемока, где в фазу Кончас население тоже существенно выросло, и общая площадь поселений составляет 16,5 га [Rosenswig, 2009, p. 113, fig. 4.4, 116, table 4.1]. Куаутемок превратился в небольшой центр площадью 7 га, ядром которого была платформа 100 м в длину, 25 м в ширину и 1 м в высоту [Ibid., p. 123–124]. В то же время построек пирамидального характера в Куаутемоче не было до начала I тыс. н. э.

Утверждение гегемонии Охо-де-Агуа привело также к изменениям в системе межрегиональных связей и в сетях обмена. Это наглядно видно в керамике: на смену резной орнаментации, копирующей ольмекскую посуду типа Кальсадас, приходит процарапанный орнамент, нанесившийся на белую и красную керамику. Истоки этого типа орнамента лежат в Центральной Мексике. По мнению Пай, Ходжсона и Кларка, это говорит о том, что новые верховные вожди мокайя разорвали альянс с Сан-Лоренсо [Pye, Hodgson, Clark, 2011, p. 236]. В то же время обсидиан из Эль-Чайяля продолжал регулярно поступать в Сан-Лоренсо [Hirth et al., 2013, p. 2794, table 7.1], так что связи между Соконуско и Ольманом разорваны не были.

На рубеже II–I тыс. до н. э. Охо-де-Агуа неожиданно приходит в упадок. Его падение сопровождается очередной масштабной трансформацией поселенческой системы в Соконуско в начале фазы

Кончас (1000–800 до н. э.). Масатан переживает настоящий коллапс: общая площадь поселений падает с 671,5 до 4 га [Pye, Hodgson, Clark, 2011, p. 221, table 10.1]. Судя по всему, регион был практически заброшен, а его жители переселились на восток, где начинается расцвет нового регионального центра Ла-Бланка в долине р. Наранхо [Love, 1990; 2002]. Причины гибели культуры мокаяя в Масатане неизвестны, но возможно это было связано с вулканической деятельностью.

Приведённые выше данные свидетельствуют, что основным содержанием социальных и культурных процессов на тихоокеанском побережье Юго-Восточной Мезоамерики в раннеформативную эпоху был активный процесс трансформации раннеземледельческих деревенских обществ в вождества. Очагом этого процесса, был, видимо, Масатан, где надобщинные политические структуры сложились в XVII в. до н. э., в то время как в остальных районах побережья они сформировались позже. Крупнейшим из ранних вождеств мокаяя было Пасо-де-Ла-Амада, на пике (конец XVI – начало XV в. до н. э.) имевшее население около 4000 человек.

Вождества мокаяя демонстрируют свойственную средне-масштабным политиям циклическую динамику, в XV–XIV вв. до н. э. переживая упадок, отразившийся в сокращении численности населения и размеров поселений. На этом фоне усилилось соперничество между вождями, в ходе которого правители Кантон-Корралито заключили альянс с ольмекским вождеством Сан-Лоренсо и, используя этот альянс, смогли подчинить себе весь Масатан и создать первое сложное вождество на тихоокеанском побережье, просуществовавшее около столетия (1300–1200 до н. э.). После гибели Кантон-Корралита в результате наводнения возник новый региональный центр в Охо-де-Агуа с населением в 3000–6000 человек, который можно рассматривать как один из самых ранних мезоамериканских протогородов наряду с Сан-Лоренсо. Коллапс политики Охо-де-Агуа на рубеже II–I тыс. до н. э. привел к тому, что Масатан на многие столетия опустел, а ядро социально-политического и культурного развития сместилось к востоку, в долину р. Наранхо.

Один из создателей концепции вождества Роберт Карнейро считает войну основным механизмом сложения вождеств. Однако если в ранних работах его конфликтная теория предполагала, что вожди появлялись в результате столкновений между отдельными деревнями [Carneiro, 1981], то в новой модели первыми вождями были военные предводители (chieftains), которые возглавляли войны между объединениями деревень [Carneiro, 1998]. Самые удачливые из них удерживали власть до своей смерти и даже могли передать ее по наследству [Redmond, 1998]. В модели Карнейро

важную роль в генезисе вождеств играет демографический фактор. Завоевательные войны связаны прежде всего с тем, что то или иное сообщество испытывает экологическое и демографическое давление (circumscription theory).

Эта идея уже подвергалась критике с точки зрения кросс-культурных данных [Beliaev, Bondarenko, Korotayev, 2001, p. 384–388]; в случае Соконуско она также сталкивается с противоречащими аргументами. В Масатане, где появились самые ранние вождества, увеличение плотности населения и размеров общин, последовало за появлением надлокальной политической организации, а не предшествовало ей [Clark, Blake, 1994, p. 22–23, fig. 2.3]. Соседние прибрежные речные долины (р. Каукан, р. Сучиате и р. Наранхо) были слабо заселены, и ничто не препятствовало заселить их.

По-видимому, зависимость между демографией и социально-политическим развитием более сложна, чем это казалось ранее. Дж. Кларк и М. Блэйк предлагают свою модель формирования вождеств в Масатане. По их мнению, это было вызвано соперничеством «накопителей» (aggrandizers) – людей с высоким статусом или выдающимися организационными способностями – за престиж. Выказывая особую щедрость, они привлекали последователей, становящихся их клиентами и создающих им поддержку. В то же время фиксация буферных зон между первыми вождествами мокаяя свидетельствует о том, что военные столкновения являлись важным фактором оформления и функционирования территориально-политических образований. Реконструкция лексики, связанной с военной активностью («калека, безрукий», «зарубцовываться» (о ране), «спасаться бегством», «сражаться», «метать камень с помощью пращи» [Давлетшин, 2007]), свидетельствуют о развитой военной активности в протомихе-сокеанской общности, которая соответствует культуре докерамических земледельцев и охотников-собирателей [Беляев, Давлетшин, 2012].

По-видимому, формирование сложной социально-политической организации на тихоокеанском побережье представляет собой случай, когда механизмы, предусматриваемые моделями Карнейро и Кларка-Блэйка, могли работать одновременно.

Библиография:

Беляев Д.Д. Еще раз к вопросу о социально-политической организации ольмекской культуры // Политическая антропология традиционных и современных обществ: материалы международной конференции. Владивосток : Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2012. С. 3–29.

Беляев Д.Д., Давлетшин А.И. Раннеземледельческие общества тихоокеанского побережья Юго-Восточной Мезоамерики: археологические и лингвистические данные // Тихоокеанское время России и мира: культура, история, политика: XIII всерос. науч. конф. молодых ученых, Владивосток, 18–22 апреля 2012 г.: программа и тезисы. Владивосток : Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2012. С. 69–72.

Давлетшин А.И. Прародина и протокультура михе-соке по языковым данным // Аспекты компаративистики. 2 / Под ред. А.В. Дыбо и Г.С. Старостина. М. : РГГУ, 2007. С. 251–258.

Ершова Г.Г. Древние майя: Уйти, чтобы вернуться (Истоки представлений о модели мира) // Ершова Г.Г. Фрай Диего де Ланда (Биографическая повесть). Древние майя: Уйти, чтобы вернуться (Истоки представлений о модели мира). М. : Ладомир, 2000. С. 226–553.

Кнорозов Ю.В. Этногенетические процессы в древней Америке // Проблемы истории и этнографии Америки. М. : Наука, 1979. С. 133–141.

Пакин А.В. Лидерство и власть у науа на южных границах Месоамерики в период испанской конкисты XVI в. (Гватемала, Сальвадор, Никарагуа) // Ойкумена. 2012. № 3. С. 33–44.

Arroyo B. The Early Formative in Southern Mesoamerica: An Explanation for the Origins of Sedentary Villages. Ph.D. Dissertation. Vanderbilt University, Nashville, Tennessee, 1994.

Beliaev D., Bondarenko D., Korotayev A. Origins and Evolution of Chiefdoms // Reviews in Anthropology. 2001. Vol. 30. P. 387–409.

Bove F. The Evolution of Chiefdoms and States on the Pacific Slope of Guatemala: A Spatial Analysis. Ph.D. dissertation, Department of Anthropology, University of California, Los Angeles, 1981.

Carmack R.M. Kik'ulmatajem le K'iche'aab': Evolución del Reino K'iche'. Guatemala : Iximulew, 2001.

Carneiro R.L. The Chiefdom: Precursor of the State // The Transition to Statehood in the New World / G. D. Jones, R. R. Kautz (eds.). Cambridge : Cambridge University Press, 1981. P. 37–79.

Carneiro R.L. What happened at the flashpoint? Conjectures on chiefdom formation at the very moment of conception // Chiefdoms and Chieftaincy in the Americas. Gainesville etc. : University of Florida Press, 1998. P. 18–42.

Ceja J.F. Paso de la Amada. An Early Preclassic Site in the Soconusco, Chiapas, Mexico. Provo : New World Archaeological Foundation, 1985 (Papers of the New World Archaeological Foundation; № 49).

Cheetham D. The Americas' First Colony? // *Archaeology*. 2006. Vol. 59, № 1. P. 42–46.

Cheetham D. Americas' First Colony: Olmec Materiality and Ethnicity at Canton Corralito, Chiapas, Mexico. Ph.D. dissertation, Arizona State University, Tempe, 2010a.

Cheetham D. Cultural Imperatives in Clay: Early Olmec Carved Pottery From San Lorenzo and Canton Corralito. *Ancient Mesoamerica*. 2010b. Vol. 21, № 1. P. 165–185.

Cheetham D., Coe M.D. Ceramic Vessel Form Similarities between San Lorenzo, Veracruz, and Canton Corralito, Chiapas // *The Early Olmec and Mesoamerica. The Material Record* / Ed. by J. Blomster. Cambridge : Cambridge University Press, 2017. P. 223–263.

Clark J. Olmecas, olmequismo y olmequización en Mesoamérica // *Arqueología*. 1990. № 3. P. 49–55.

Clark J. The beginnings of Mesoamerica: apologia for the Soconusco Early Formative // *The Formation of complex society in southeastern Mesoamerica* / Ed. by William R. Fowler, Jr. Boca Raton: CRC Press, 1991. P. 13–26.

Clark J. Antecedentes de la cultura olmeca // *Los Olmecas en Mesoamérica*. México, 1994a.

Clark J. El sistema económico de los primeras olmecas // *Los Olmecas en Mesoamérica*. México ; Madrid : El Equilibrista ; Turner Libros, 1994b. P.189–201.

Clark J. The Development of Early Formative Rank Societies in the Soconusco, Chiapas, Mexico. Ph.D. Dissertation, University of Michigan. 1994c.

Clark J. Mesoamerica's First State // *The Political Economy of Ancient Mesoamerica: Transformations During the Formative and Classic Periods*. Albuquerque : University of New Mexico Press, 2007. P. 11–46.

Clark J., Blake M. El origen de la civilización en Mesoamérica: Los Olmecas y los Mokaya del Soconusco, Chiapas, México // El Preclásico o Formativo: Avances y perspectivas. México, 1989. P. 385–403.

Clark J., Blake M. The Power of Prestige: Competitive Generosity and the Emergence of Rank Societies in Lowland Mesoamerica // Factional Competition and Political Development in the New World / Ed. by E. Brumfiel, J. Fox. Cambridge : Cambridge University Press, 1994. P. 17–30.

Clark J., Gibson J. L., Zedler J. First Towns in the Americas Searching for Agriculture, Population Growth, and Other Enabling Conditions // Becoming villagers: comparing early village societies / edited by Matthew S. Bandy and Jake R. Fox. Tucson: University of Arizona Press, 2010.

Coe M.D. La Victoria, An Early Site on the Coast of Guatemala. Cambridge : Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard University, 1961 (Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard University; Vol. 53).

Coe M.D., Flannery F. Early Cultures and Human Ecology in South Coastal Guatemala. Washington : Smithsonian Press, 1967 (Smithsonian Contributions to Anthropology; No. 3).

Gutierrez G.A History of Disaster and Cultural Change in the Coatán River Drainage of the Soconusco, Chiapas, Mexico // Early Mesoamerican Social Transformations. Archaic and Formative Lifeways in the Soconusco Region / Ed. by R.G. Lesure. Berkley & Los Angeles, 2011. P. 146–169.

Hill W.D., Blake M., Clark J. Ball court design dates back 3,400 years // Nature. 1998. Vol. 392, No. 6679. P. 878–879.

Hirth K., Cyphers A., Cobean R., De Leon J., Glascock M. D. Early Olmec obsidian trade and economic organization at San Lorenzo // Journal of Archaeological Science. 2013. Vol. 40. P. 2784–2798.

Hodgson J., Clark J., Gallaga E. Ojo de Agua Monument 3: A New Olmec-Style Sculpture from Ojo de Agua, Chiapas, Mexico // Mexican. 2010. Vol. 32, № 6. P. 139–144.

Kennett D.J., Piperno D.R., Jones J.G., Neff H., Voorhies B., Walsh M.K., Culleton B.J. Pre-pottery farmers on the Pacific coast of southern Mexico // Journal of Archaeological Science. 2010. Vol. 37. P. 3407–3409.

Lesure R.G. Paso de la Amada: Sociopolitical dynamics in an Early Formative community. Ph.D. dissertation, Department of Anthropology, University of Michigan, Ann Arbor, 1995.

Lesure R.G. Early Formative Platforms at Paso de la Amada, Chiapas, Mexico // *Latin American Antiquity*. 1997. Vol. 8, No. 3. P. 217–235.

Lesure R.G. Paso de la Amada as a Ceremonial Center // *Early Mesoamerican Social Transformations. Archaic and Formative Lifeways in the Soconusco Region* / Ed. by R.G. Lesure. Berkley & Los Angeles, 2011. P. 119–143.

Love M.W. Early Complex Societies in Pacific Guatemala: Settlements and Chronology of the Río Naranjo, Guatemala. Salt Lake City : University of Utah Press, 2002 (Papers of the New World Archaeological Foundation; № 66).

Love M.W. La Blanca y el Preclásico Medio en la Costa Pacífica // *Arqueología*. México, 1990. № 3. P. 67–76.

Marcus J., Flannery K.V. Zapotec Civilization: How Urban Society Evolved in Mexico's Oaxaca Valley. London, 1996.

Navarrete C. Algunas piezas olmecas de Chiapas y Guatemala // *Anales de antropología*. 1971. Vol. VIII. P. 69–82.

Navarrete C. The Olmec Rock Carvings at Pijijiapan, Chiapas, Mexico and other Olmec Pieces from Chiapas and Guatemala. Salt Lake City : New World Archaeological Foundation, 1974 (Papers of the New World Archaeological Foundation; № 35).

Neff H., Pearsall D.M., Jones J.G., Arroyo B., Collins S.K., Freidel D.E. Early Maya Adaptive Patterns: Mid-Late Holocene Paleoenvironmental Evidence from Pacific Guatemala // *Latin American Antiquity*. 2010. Vol. 17, No. 3. P. 287–315.

Nelson F., Clark J. Obsidian production and exchange in Eastern Mesoamerica // *Rutas de intercambio en Mesoamérica. III Coloquio Pedro Bosch Gimpera*. México : Universidad Nacional Autónoma de México, 1998. P. 277–333.

Pinkowski, J. A City by the Sea: Early urban planning on Mexico's Pacific coast // *Archaeology*. 2006. Vol. 59, № 1. P. 46–49.

Pye M., Hodgson J., Clark J. Jocotal Settlement Patterns, Salt Production and Pacific Coast Interaction // *Sociopolitical Transformation in Early Mesoamerica: Archaic to Formative in the Soconusco Region* / Ed. by R. Lesure. Berkeley : University of California Press, 2011. P. 217–241.

Redmond E. The Dynamics of Chieftaincy and the Development of Chiefdoms // *Chiefdoms and Chieftaincy in the Americas*. Gainesville etc. : University of Florida Press, 1998. P. 1–17.

Rosenswig R. Prehispanic Settlement in the Cuauhtémoc Zone of the Soconusco, Chiapas, Mexico // *Journal of Field Archaeology*. 2008. Vol. 33. P. 389–411.

Rosenswig R. *The Beginnings of Mesoamerican Civilization. Inter-Regional Interaction and the Olmec*. New York : Cambridge University Press, 2009.

Voorhies B. A Model of the Pre-Aztec Political System of the Soconusco // *Ancient Trade and Tribute: Economies of the Soconusco Region of Mesoamerica* / Ed. by B. Voorhies. Salt Lake City : University of Utah Press, 1989. P. 95–129.

Voorhies B. *Coastal Collectors in the Holocene: The Chantuto People of Southwest Mexico*. Gainesville : University of Florida Press, 2004.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСАНДРЕНКОВ Эдуард Григорьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва.

E-mail: ed_alex@mail.ru

БАНЩИКОВА Анатасия Алексеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН, научный сотрудник Центра научного проектирования РГГУ, заместитель директора Международного центра антропологии НИУ ВШЭ

E-mail: senet_m_ta@mail.ru

БЕЛЯЕВ Дмитрий Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент Мезоамериканского учебно-научного центра имени Ю.В. Кнорозова РГГУ, старший научный сотрудник Международного центра антропологии НИУ ВШЭ

E-mail: lakamha@mail.ru

БЕРНАЦКАЯ Юлия Эдуардовна – аспирант Мезоамериканского учебно-научного центра имени Ю.В. Кнорозова РГГУ

E-mail: imbirnaya.vishnya@gmail.com

БОЙКОВСКА Дорота (BOJKOWSKA Dorota) – аспирант Института археологии Ягеллонского университета, Краков, Польша

E-mail: dorota.bojkowska@gmail.com

БОРИСОВА Галина Александровна – аспирант, Мезоамериканского учебно-научного центра имени Ю.В. Кнорозова РГГУ

E-mail: mutemuia@gmail.com

ВЕПРЕЦКИЙ Сергей Викторович – младший научный сотрудник Мезоамериканского учебно-научного центра имени Ю.В. Кнорозова РГГУ

E-mail: servepr@gmail.com

ДАНЧЕВСКАЯ Оксана Евгеньевна – кандидат культурологии, доцент Московского педагогического государственного университета

E-mail: pitondragon@yahoo.com

IX Кнорозовские чтения: Древние цивилизации Старого и
Д 25 Нового Света: сборник трудов Международной научной конференции / Российский государственный гуманитарный университет; Отв. ред. Г.Г. Ершова; Сост. Д.Д. Беляев. М.: РГГУ, 2019. 367 с.

ISBN 978-5-7281-2556-3

Сборник включает в себя доклады, представленные на IX Кнорозовских чтениях «Древние цивилизации Старого и Нового Света», прошедших в РГГУ 2–3 марта 2018 г. Статьи посвящены истории мезоамериканистики, истории древних цивилизаций, археологии и этнографии коренных народов Нового Света.

УДК 930.85(08)
ББК 63.5я43

Научное издание

IX КНОРОЗОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Древние цивилизации
Старого и Нового Света

Сборник трудов
Международной научной конференции

Корректор *С.А. Хохрякова*
Компьютерная верстка *И.Н. Косиченко*

Отпечатано с готового оригинал-макета

Подписано в печать 04.12.2019.

Формат 60х90 1/16.

Усл. печ. л. 23,2. Уч.-изд. л. 24,4.

Тираж 300 экз. Заказ 676

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
Тел.: 8-499-973-42-06